

На текущія темы.

Объ одномъ новогоднемъ пожеланіи. — Умиленія достойная картина. — Два циркуляра съ однимъ финаломъ. — Наслѣдіе Столыпина и господа наслѣдники. — О богдановцахъ безъ Богдана. — Какъ это называется?

„Пожелаемъ просвѣтлѣнія государственной мысли среди нашихъ инокровныхъ согражданъ и полного примиренія ихъ съ народомъ-строителемъ имперіи. Общаго дѣла много, и не въ раздѣленіи, а въ объединеніи и взаимномъ примиреніи—задача нашего будущаго, залогъ силы и могущества Россіи“.

Изъ всѣхъ новогоднихъ пожеланій, по заведенному обычаю изъ года въ годъ украшающихъ столбцы русской печати, приведенное сейчасъ является наиболѣе, быть можетъ, оригинальнымъ и заслуживающимъ вниманія, особенно среди „инокровныхъ согражданъ“. Оригинально оно прежде всего со стороны своего, если можно такъ выразиться, мѣсторожденія,—шутка сказать: это „Россія“ призываетъ ко взаимному примиренію, это казенные публицисты несутъ намъ, „инокровнымъ согражданамъ“, масличную вѣтвь мира... Картина—достойная умиленія уже сама по себѣ. Но еще замѣчательнѣе совѣтъ, которымъ „частное изданіе“ сопровождаетъ свое намѣреніе,—отнынѣ перековать мечи на орала и содѣйствовать полному примиренію „инокровныхъ согражданъ“ съ „народомъ-строителемъ“. Оказывается, что такое примиреніе со стороны „Россіи“ обусловлено „просвѣтлѣніемъ государственной мысли среди нашихъ инокровныхъ согражданъ“. Очевидно, достаточно уже просвѣтленная какой-то государственной мыслью „Россія“ не желаетъ таить свой свѣтъ подъ спудомъ, а стремится подѣлиться имъ съ другими. И такъ какъ почтенная газета при этомъ увѣрена, что „народъ-строитель“ вполне уже проникся истиннымъ свѣтомъ „Россіи“, то его лучами желаютъ теперь обласкать и „инокровныхъ согражданъ“. И съ этой стороны получается умиленія достойная картина... Въ центрѣ стоитъ „частное изданіе“ въ видѣ, напримѣръ, старорусскаго богатыря и, сіяя кротостью и незлобивостью,

изливаетъ, подобно солнцу, лучи своей милости на праведная и злая, на „народъ-строитель“ и „инокровныхъ согражданъ“. Въ результатѣ, конечно, обновленная Россія, всеобщее примиреніе, нелицемѣрныя объятія, братскія слезы... Нѣчто подобное значитъ по крайней мѣрѣ на той картинкѣ, которой украшаетъ редакція „Россіи“ свои рекламы, въ изобиліи разсылаемыя по волостнымъ правленіямъ.

И это трогательное совпаденіе новогодняго пожеланія „Россіи“ съ ея же рекламой для волостныхъ правленій заставляетъ насъ ближе присмотрѣться къ достойной умиленія картинѣ—„Россіи“ въ роли вѣстницы мира и кроткой посланницы небесъ, провозгласившей вдругъ „въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Совпаденіе это весьма знаменательно и многое поможетъ намъ уяснить въ той путаницѣ понятій, которая создалась въ Россіи вокругъ такъ - называемаго „инородческаго“ вопроса вообще и въ особенности около нѣкоторыхъ частныхъ его проявленій.

О „народѣ-строителѣ“, устами котораго якобы глашаетъ „Россія“, мы сейчасъ не будемъ говорить. Допустимъ даже на мгновеніе, что онъ, погибающій въ настоящее время отъ болѣзней и землеустройства, отъ голода и холода, въ самомъ дѣлѣ проникся свѣтомъ казенной „Россіи“ и именно ее уполномочилъ провозглашать „любви и правды чистыя ученья“. Но какъ могутъ относиться къ этимъ ученьямъ „инокровные сограждане“, непосредственно къ которымъ обращается „Россія“ съ своимъ пожеланіемъ? Могутъ ли они принять пожеланіе „Россіи“ не только къ исполненію, но даже къ свѣдѣнію, какъ признакъ дѣйствительно новаго курса въ отношеніи инородцевъ? Или же новогодняя масличная вѣтвь въ рукахъ Гурляндовъ и Сыромятниковыхъ тѣмъ болѣе напомнить „инокровнымъ согражданамъ“ о тѣхъ терніяхъ, которыми усыпанъ ихъ путь? вмѣсто прямого отвѣта на этотъ вопросъ мы коснемся практическаго приложенія пожеланій „Россіи“ по одному частному поводу, именно—въ области украинскаго вопроса. Отвѣтъ при этомъ получился самъ собою, а также и не безынтересная, быть можетъ, иллюстрація того, въ какомъ тяжеломъ положеніи очутились бы тѣ изъ „инокровныхъ согражданъ“, которые вздумали бы всерьезъ принять призывъ офиціоза къ примиренію.

Украинскій вопросъ въ Россіи есть поистинѣ большой вопросъ, около котораго накопилось, особенно за послѣд-

нее время, столько лжи, ненависти и злобы, что дѣйстви-тельно трудно дышать становится въ отравленной атмосферѣ. Естественную въ каждомъ человѣкѣ любовь къ родинѣ и ея особенностямъ, желаніе содѣйствовать развитію родного народа на основѣ этихъ особенностей злоба и политическая близорукость давно уже окричали преступленіемъ предъ русскимъ народомъ и государствомъ. Репрессій противъ проявленій украинства, начиная съ языка и литературы и оканчивая архитектурнымъ стилемъ (запрещеніе трехкупольныхъ церквей), красною нитью проходятъ черезъ всю исторію Украины со времени ея присоединенія, особенно усиливаясь со второй половины XIX вѣка. На этихъ старыхъ репрессіяхъ нѣтъ нужды здѣсь останавливаться, такъ какъ для обозрѣвателя украинской жизни вполне достаточно матеріала дадутъ и послѣдніе годы, когда казалось, что старая политика по отношенію къ украинскому движенію отошла уже въ область невозвратнаго прошлаго.

Съ 1906 года въ Россіи возникаетъ украинская печать, прежде абсолютно воспрещенная; начинается развиваться книжное дѣло, прежде крайне стѣсненное запретительными постановленіями; основывается цѣлый рядъ національно-культурныхъ учрежденій, какъ „Просвіты“, „Наукове Товариство“, клубы и т. п., совершенно немыслимыхъ при старомъ порядкѣ. Казалось, что украинское движеніе отнынѣ вступаетъ въ новую фазу отношеній, когда его оказательства будутъ оцѣниваться съ общей точки зрѣнія, а не на основаніи спеціально выработанныхъ боевыхъ мѣропріятій. Однако, не тутъ-то было! Ликвидационный пылъ, охватившій всѣ сферы современной русской жизни, не угасъ, конечно, и въ области украинскаго вопроса и съ каждымъ днемъ обнаруживается все сильнѣе. Не останавливаясь на первыхъ шагахъ „обновленнаго строя“, такъ какъ обзоръ ихъ съ интересующей насъ точки зрѣнія однажды уже былъ данъ мною ¹⁾, прослѣдимъ послѣднія проявленія ликвидационной практики на Украинѣ.

Лѣтопись событій послѣдняго времени должна быть начата, несомнѣнно, съ принадлежащаго покойному Столыпину знаменитаго циркуляра отъ 20-го января 1910 г. Этотъ циркуляръ, достойный занять мѣсто наравнѣ съ валуев-

См. статью „Бюрократическая утопія“ въ „Русскомъ Богатствѣ“, 1910 г., мартъ.

скимъ циркуляромъ 1863 года и актомъ 1876 года, обращаетъ вниманіе губернскихъ властей „на несоотвѣтствіе русскимъ государственнымъ задачамъ образованія общества, преслѣдующихъ узкія національно-политическія цѣли, такъ какъ объединеніе на почвѣ такихъ національныхъ интересовъ ведетъ къ усугубленію началъ національной обособленности и розни и можетъ вызвать послѣдствія, угрожающія общественному спокойствію и безопасности“. Въ виду этого предписывалось не разрѣшать обществъ „инородческихъ, въ томъ числѣ украинскихъ и еврейскихъ, независимо отъ преслѣдуемыхъ ими цѣлей“, а также пересмотрѣть уже существующія и принять соотвѣтствующія мѣры¹⁾). Мѣры были, конечно, приняты...

Итакъ, въ лѣто отъ Р. Х. 1910-е украинцы были, наконецъ, опредѣлены къ надлежащему мѣсту. Инородцы вы!—громко, даже черезчуръ, быть можетъ, громко выкрикнулъ министерскій циркуляръ, совершенно не считаясь съ филологическими и иными спорами, которые въ продолженіе десятковъ лѣтъ занимали ученыхъ людей. Вопросъ былъ рѣшенъ во мгновение ока, однимъ росчеркомъ пера; тридцать милліоновъ украинскаго населенія, съ которымъ не знали что дѣлать предшественники Столыпина, смѣло были выброшены за бортъ государственнаго строительства. Покойный министръ имѣлъ мужество громко произнести то, что втихомолку признавали и до него, но о чемъ какъ-будто стѣснялись заявлять открыто. Какъ бы то ни было, на Украинѣ столыпинскій циркуляръ произвелъ хотя и большое, но не совсѣмъ угнетающее, несмотря на карательныя послѣдствія, впечатлѣніе, а у многихъ вызвалъ даже въ нѣкоторомъ родѣ вздохъ облегченія. Ну, наконецъ-то вопросъ рѣшенъ! Инородцы—такъ инородцы: по крайней мѣрѣ теперъ не будутъ уже силой тащить насъ въ истинно-русскій лагерь; а если вмѣсто языка оставятъ намъ во рту обрубокъ, то эта операція будетъ произведена „на точномъ основаніи законовъ“, направленныхъ противъ нашей инородности, а не по капризу того или иного администратора... Такъ приблизительно можно резюмировать впечатлѣніе, произведенное ошеломляющимъ циркуляромъ Столыпина, смѣло разрубившаго запутанный узелъ украинскихъ отношеній.

¹⁾ Циркуляръ Столыпина напечатанъ въ № 31 газеты „Кіевскія Вѣсти“ за 1910 г.

Къ сожалѣнію, даже у этого мужественнаго человѣка не надолго хватило мужества. Ровно черезъ годъ Столыпинъ выступаетъ съ новымъ документомъ, который стремится возвратити дѣло въ первобытное состояніе. „Хотя,— писалъ на этотъ разъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ рапортѣ сенату по поводу основанія въ Москвѣ общества „Украинська Хата“,—ближайшею цѣлью общества и является матеріальная поддержка, но, очевидно, главными являются культурныя цѣли. Между тѣмъ, такая цѣль для украинскаго общества, съ точки зрѣнія русской государственной власти, представляется крайне нежелательной и противорѣчитъ всѣмъ начинаніямъ, которыя правительство проводитъ по отношенію къ бывшей (sic!) Украинѣ. Исходя изъ того положенія, что три главныхъ отрасли восточнаго славянства и по происхожденію, и по языку не могутъ (!) не составлять одного цѣлаго, наше правительство, начиная съ 17-го столѣтія, постоянно боролось противъ движенія, извѣстнаго въ наше время подъ наименованіемъ украинскаго и олицетворяющаго собою идеи возрожденія прежней Украины и устройство Малорусскаго края на автономныхъ національно-территоріальныхъ началахъ“¹⁾. А потому—принять мѣры. И мѣры, конечно, вновь были приняты...

Итакъ, въ теченіе одного года мы получили два одинаково авторитетныхъ рѣшенія о своемъ племенномъ, такъ сказать, состояніи, причемъ рѣшенія эти взаимно другъ-друга уничтожаютъ. Но на практикѣ, на участи украинскихъ начинаній такая противорѣчивость нисколько, впрочемъ, не отразилась. Вы—инородецъ,—гласилъ первый циркуляръ,—прекрасно: закроемъ-ка вамъ вашу мирную „Просвіту“, не разрѣшимъ общества охраненія могилы Шевченка и даже кооперативнаго товарищества „Крам“. Ахъ, нѣтъ,—спохватился второй циркуляръ,—вы наши, совсѣмъ свои, вы не можете не составлять одного цѣлаго съ нами,—запретимъ-ка вамъ по этому случаю общество, преслѣдующее культурныя цѣли... Въ щедринской исторіи города Глупова всѣ народныя движенія фатально начинались съ того, что съ раската сбрасываютъ какого-то Ивашку. Очевидно, роль такого Ивашки суждено играть украинству при движеніи подлежащихъ сферъ къ законности и справедливости. Самыя противоположныя рѣшенія вопроса оканчиваются однимъ и тѣмъ же финаломъ, въ которомъ словс „воспре-

¹⁾ См. „Рада“, 1911 г., № 52.

тить“ звучить, покрывая собой всѣ остальные звуки, такъ, что является несомнѣнная увѣренность, что въ немъ-то и заключается главное, а прочее составляетъ лишь болѣе или менѣе приличествующее случаю украшеніе, въ родѣ того несѣдобнаго гарнира, подѣ которымъ принято подавать кушанья въ приличныхъ домахъ.

Таково наслѣдіе, оставшееся послѣ П. А. Столыпина въ области украинскаго вопроса. Если оно оставляетъ многого желать по части послѣдовательности и логичности, то зато не возбуждаетъ ни малѣйшихъ сомнѣній со стороны своихъ практическихъ удобствъ. Патріоты своего отечества могутъ сколько угодно спорить о томъ, не по ошибкѣ ли попало въ столыпинскій циркуляръ въ примѣненіи къ украинцамъ слово „инородцы“ (г. Локоть), или же Столыпинъ все украинское движеніе квалифицировалъ какъ „мазепинское“ (г. Савенко),—эти споры по необходимости должны будутъ носить чисто академическій характеръ. На практикѣ же совершенно безразлично, инородцы ли украинцы или свои, стремятся ли они къ культурнымъ цѣлямъ или преслѣдуютъ политическія задачи, охраняютъ ли свою этнографическую обособленность или же осмѣливаются мечтать даже объ автономіи; во всякомъ случаѣ, они заслуживаютъ мѣръ пресѣченія. И, какъ отмѣчаютъ новогодніе обзоры въ украинской прессѣ, пресѣченіе въ приложеніи къ украинству носило столь универсальный характеръ, что буквально ни одна область украинской жизни не осталась безъ руководящаго воздѣйствія. Конфисковывались самыя невинныя книги, облагались непомѣрными штрафами украинскія изданія, запрещались культурно-просвѣтительныя общества, не разрѣшались лекціи даже по сельскому хозяйству и земледѣлію, признавались крамольными концерты народныхъ пѣвцовъ-кобзарей, бралась на подозрѣніе всякая народная пѣсня, вычеркивалось полицейской цензурой обыкновенное объявленіе на украинскомъ языкѣ, приглашающее добрыхъ людей дать заработокъ нуждающемуся, и т. д., и т. д. безъ конца.

„Мало, мало!“—слышатся, впрочемъ, голоса съ той стороны, съ которой они всегда раздаются и въ Государственной Думѣ, когда кто-либо изъ оппозиціи упомянетъ съ „высокой трибуны“ о репрессіяхъ. „Мало, мало!“—вопятъ публицисты „Кіевлянина“, „Новаго Времени“, „Свѣта“, „Россіи“. По мнѣнію этихъ рыцарей печатнаго слова,—увы!—

такъ часто прибѣгающихъ къ непечатному воздѣйствію, правительство все еще слишкомъ мягко и снисходительно относится къ украинскому движенію, которое этимъ почтеннымъ писателямъ желательно видѣть совершенно раздавленнымъ и уничтоженнымъ. Вопли объ измѣнѣ, о заговорѣ противъ цѣлости государства, о прусскихъ маркахъ и всевозможныхъ интригахъ, начиная, конечно, съ еврейской, не смолкали въ теченіе всего послѣдняго года и по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Собираются ли украинцы праздновать 50-лѣтіе кончины одного изъ величайшихъ поэтовъ всего славянскаго міра, — раздаются сейчасъ же крики о политическихъ намѣреніяхъ устроителей юбилейнаго празднованія, создаются дикіе проекты, — о конфискаціи, на примѣръ, собраннаго на памятникъ Шевченку сто-тысячнаго фонда и передачѣ его вѣдомству Краснаго Креста. Украинцы отказываются отъ празднованія юбилея въ этой атмосферѣ мелкой злобы и ненависти, — тѣмъ не менѣе и здѣсь наши сердецвѣды усматриваютъ поводъ для вмѣшательства: это, молъ, политическая демонстрація, протестъ противъ правительства. Богровъ стрѣляетъ въ Столыпина, — и „Новое Время“ производитъ строжайшее слѣдствіе по поводу отношеній стрѣлявшаго къ украинству и открываетъ, конечно, что еврейство и украинство заключили между собою тѣсный союзъ на пагубу русской государственности. Сболтнетъ какой-нибудь досужій политикъ неопредѣленную фразу о дипломатическихъ осложненіяхъ Австріи и Россіи, — поднимается новый вопль о смертельной для Россіи опасности „мазепинства“, спящаго, дескать, и видящаго себя „подъ скипетромъ Габсбургской династіи“. Зайдетъ рѣчь объ основаніи въ Галичинѣ украинскаго университета, являющагося очереднымъ вопросомъ для галицкихъ украинцевъ, — раздаются новые крики о необходимости вмѣшательства русской дипломатіи въ это „пагубное для цѣлости и недѣлимости Россіи предпріятіе“... О, эти господа наслѣдники очень основательно вцѣпились въ оставленное имъ наслѣдіе и твердо знаютъ, что украинство, — является ли оно послѣдствіемъ инородчества или единства, — все равно подлежитъ искорененію, все равно должно быть пресѣчено и уничтожено. Изолгавшаяся публицистика чернаго лагеря, ничего не понимая въ украинскомъ движеніи, не зная ни его исторіи, ни настоящаго, ни причинъ его возникновенія, ни тѣхъ задачъ и цѣлей, какія оно ставитъ передъ собой, —

силится свое невѣжество и тупое непониманіе замѣнить ругательствами, безсовѣстнымъ доносомъ, циничными инсинуаціями, нелѣпѣйшими выдумками, которыя совершенно серьезно заставляютъ поднимать вопросъ о вмѣняемости этихъ господъ. Конечно, вопросъ можетъ быть лишь о вмѣняемости умственной, такъ какъ о нравственной сторонѣ дѣла не можетъ быть двухъ мнѣній въ виду всей той массы сознательной лжи, которой постарались они окутать украинское движеніе. На этой почвѣ уже создались даже свои „крупныя фигуры“, подлинныя герои сыска, лжи и доноса. Таковъ, напримѣръ, пріобрѣтшій столь недвусмысленную извѣстность сотрудникъ „Кіевлянина“ г. Савенко, травлю инородцевъ, особенно лживыя и пошлыя измышленія на украинство, обратившій въ свою спеціальность. Не довольствуясь сомнительными лаврами въ качествѣ главнаго застрѣльщика по инородческимъ вопросамъ на столбцахъ „Кіевлянина“, этотъ Терситъ воинствующаго націонализма предпринялъ путешествіе въ столицы съ цѣлью раскрыть и тамъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, глаза на „опасности мазепинскаго движенія“. О своихъ триумфахъ во время этого путешествія онъ, конечно, самъ же скромно и оповѣстивъ своихъ читателей, выразивъ, правда, нѣкоторое недовольство Москвой за проявленную ею холодность къ его призывамъ на бой съ врагомъ... Подать доносъ по начальству г. Савенко, впрочемъ, успѣлъ, что собственно и требовалось...

Во время этого побѣдоноснаго путешествія г. Савенки впервые, кажется, употребленъ имъ терминъ „богдановцы“ въ приложеніи къ своимъ единомышленникамъ, въ противоположность термину „мазепинцы“, давно уже измышленному въ савенковскихъ кругахъ. Есть, дескать, на Украинѣ двѣ категоріи людей: одни, мазепинцы, стремятся оторвать Украину отъ Россіи; другіе, богдановцы, вѣрные завѣтамъ Богдана Хмельницкаго, отстаиваютъ единство Россіи,—это, конечно, г. Савенко со товарищи. Г. Савенко, по забывчивости, вѣроятно, не упомянувшій о третьей категоріи просто пронырливыхъ людей, необыкновенно доволенъ своимъ открытіемъ, повторяя новый титулъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, кстати и не кстати. Комичнѣе всего, что новоиспеченный „богдановецъ“ даже не подозрѣваетъ, очевидно, идейной близости своего патрона именно къ ненавистнымъ „мазепинцамъ“. Вѣдь не кто иной, а именно

популярный гетманъ Украины первый сформулировалъ программу того общественнаго устройства, которое въ настоящее время отстаивается „мазепинцами“. Уже въ Переяславскомъ договорѣ Хмельницкаго находимъ требованія автономности украинской земли въ области управленія, суда и фискальной, употребленія родного языка, неприкосновенности украинскихъ обычаевъ, независимости украинской церкви и т. п. Такимъ образомъ, новоизобрѣтенный терминъ „богдановцы“ нужно отнести къ числу печальныхъ, но для г. Савенки весьма обычныхъ недоразумѣній. Ибо „богдановцами“ въ настоящемъ смыслѣ оказываются именно тѣ, кого такъ пылко ненавидитъ г. Савенко, а его „богдановцы“ къ подлинному Богдану никакого отношенія не имѣютъ.

Этотъ комическій эпизодъ съ однимъ изъ столповъ истинно-русскаго націонализма, особенно выдвинувшимся въ борьбѣ съ украинствомъ, не измѣняетъ, впрочемъ, гнуснаго характера той травли, которая сосредоточиваетъ всю силу своей ненависти на украинскомъ движеніи. Можно было бы, конечно, предоставить этимъ человѣконенавистникамъ задохнуться въ собственной злобѣ и утопать въ томъ морѣ лжи, которое они создали вокругъ украинства. Но, вѣдь, ихъ старанія не проходятъ безслѣдно; долбя какъ капля камень, они создаютъ въ конечномъ счетѣ тѣ практическія мѣропріятія, независимо отъ всякой идеологіи, о которыхъ упоминалось на предыдущихъ страницахъ. Они, клеветущіе и лгушіе сознательно, выдумывающіе нелѣпѣйшія басни и безсмысленнѣйшія обвиненія,—они въ настоящее время сила, угаромъ лжи ненависти и злобы насытившая всю атмосферу нашихъ общественныхъ отношеній...

И вотъ въ этой угарной до одури атмосферѣ раздается вдругъ вкрадчивый, медоточивый голосокъ одного изъ тѣхъ, кто достаточно потрудились надъ ея созданиемъ: „пожелаемъ же просвѣтлѣнія государственной мысли среди нашихъ инокровныхъ согражданъ и полнаго примиренія ихъ съ народомъ-строителемъ имперіи“... Какъ вамъ кажется, читатель, что на это пожеланіе могутъ отвѣтить „инокровные сограждане“ и какъ назовутъ они миролюбивое предложеніе „Россіи“: открытымъ ли издѣвательствомъ, безграничнымъ нахальствомъ, несравненнымъ по безстыдству лицемѣриемъ или же просто непроходимой тупостью?..

С. Ефремовъ.